

и их поведение в сфере межнациональных взаимодействий могли бы быть раскрыты полнее.

Характеризуя значение рецензируемой работы, следует отметить, что автор исследовал новую сферу национальных отношений, которая раньше лишь затрагивалась в отдельных комплексных работах по национальным проблемам в СССР. Л. М. Дробижевой выявлена и обоснована система факторов, влияющих на межличностные национальные отношения в различных сферах общественной жизни, выделены их основные компоненты и вскрыт механизм их взаимодействия.

Применительно к изучаемой ситуации 1960—1970 гг. установлено определяющее влияние социально-экономической и политической обстановки на отношения между людьми разных национальностей, объяснены причины сохранения некоторых элементов национальной ограниченности, встречающейся в современных условиях.

В книге раскрыто влияние городской и сельской среды разного типа, а также производственных и бытовых контактов на межэтнические установки людей.

Материалы исследования Л. М. Дробижевой открывают большие возможности для выявления как особенного, так и общих тенденций, имеющих важное значение для выяснения роли конкретных социальных ситуаций и этнокультурных особенностей в межличностных национальных отношениях в нашей стране.

Рецензируемая работа имеет несомненное практическое значение. Ее результаты могут быть использованы для управления национальными отношениями в идеологической работе по интернациональному воспитанию. Автор убедительно показывает, что меры культурно-просветительного характера весьма эффективны для преодоления проявлений национальной ограниченности в группах менее образованного и квалифицированного населения, и в первую очередь сельских жителей, у которых сохраняется известная культурная замкнутость. Для более широкого круга населения, как утверждается в работе, предупреждение неблагоприятных явлений в межнациональном общении можно связывать с регулированием социальных проблем, актуальных для современного этапа общественного развития народов СССР.

Представляется, что новая книга Л. М. Дробижевой будет встречена с большим интересом не только специалистами в области теории национальных отношений, но и широким кругом советских читателей, интересующихся этими весьма актуальными проблемами развития советского многонационального государства, идущего навстречу своему 60-летию.

А. И. Холмогоров

Этногенез народов Севера (Отв. ред. Гурвич И. С.). М., 1980, 278 с.

Потребность во фронтальном обобщении результатов изучения происхождения народов северного региона азиатской и европейской частей нашей страны возникла давно. Это обстоятельство, так же как накопление в советский период, в особенности за последние десятилетия значительных материалов об этногенетических процессах на территории Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР, побудило сотрудников Отдела этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР взяться за подготовку обобщающего исследования, освещающего формирование этих народов на древних этапах их истории. В монографии «Этногенез народов Севера» прослеживается происхождение предков саамов, хантов, манси, селькупов, кетов, ненцев, энцев, эвенков, эвенов, чукчей, коряков, ительменов, азиатских эскимосов, нивхов, нанайцев, ульчей, ороков, орочей, негидальцев и удэгейцев. Это первый опыт реконструкции этногенетических процессов применительно ко всей зоне Крайнего Севера и Дальнего Востока нашей страны. Последовательный ретроспективно-генетический и исторический анализ сложных процессов формирования народов арктической и субарктической зон позволил по-новому подойти к освещению целого ряда больших проблем. Забегая вперед, отметим, что основным достоинством работы, по существу своеобразным открытием, сделанным авторским коллективом, является доказательство положения о том, что известные нам этнические общности Севера представляют собой сложные двух- и многокомпонентные образования. Обособленные и замкнутые северные этнические общности, все же, как показано в работе, имели историко-культурные связи с населением южных областей Сибири и Восточной Европы. Высокой оценки заслуживают приведенные в монографии данные о специфике становления отдельных этнических общностей, связанной с заселением ими особых экологических ниш, о воздействии на формирование отдельных этносов миграций, инфильтраций, межплеменного обмена спонтанной культурной информацией. Таким образом, перед нами весьма масштабное исследование.

Монография состоит из 12 глав, объединенных в три больших раздела: «Этногенез урало-якутских народов и кетская проблема», «Этногенез юкагиров и тунгусских народов», «Этногенез палеоазиатских народов Северо-Восточной Азии». Такое членение материалов не случайно. У народов Европейского Севера, Западной, Средней и Восточной Сибири, Северо-Востока еще в эпоху позднего неолита стали проступать особые этнические черты.

В краткой рецензии невозможно рассмотреть все вопросы, затронутые в этой большой работе, поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой глав и постараемся выделить новое в постановке проблем этногенеза и их решения.

Монография открывается содержательным предисловием, написанным редактором книги И. С. Гурвичем. В нем обоснованы принципы подхода авторского коллектива к решению проблем этногенеза и охарактеризованы источники, использованные в монографии. При этом, на наш взгляд, правомерно отмечена ограниченность и неравноценность данных разных смежных дисциплин для решения рассматриваемых авторами проблем. В предисловии подчеркнута перспективность сравнительно-генетического изучения фольклора, религиозных верований и других явлений духовной культуры, исследованных еще далеко не достаточно.

Совершенно справедливо утверждается в предисловии, что этнографическая классификация народов и выделение историко-культурных областей Сибири имеют «большое значение для освещения этногенетических проблем на Севере» (с. 7). К сожалению, автор не указал, что исследовательская работа в этом направлении еще не завершена.

Вызывает определенное возражение ограничение верхней даты этногенеза народов Севера (назван XVII в.). В XVIII в., как можно понять из текста предисловия (с. 10), наступает период этнической истории, т. е. развития уже сложившихся этносов. Соглашаясь с принципом выделения конечного этапа этногенеза, связанного с появлением относительно устойчивых признаков этноса, отметим, что некоторые этнические общности сложились здесь ранее (например, саамы — с. 28, тунгусоязычные народы Нижнего Амура — с. 193), а другие, наоборот, позднее (например, современные северо-самодийские народности — с. 66, тофалары — с. 88). Представляется, таким образом, что конечная дата этногенеза, впрочем как и начальная, у разных народов своя и унификация их весьма условна. Это обстоятельство следовало оговорить особо. Кроме того, хотелось бы заметить, что процессы этногенеза нередко наблюдаются и у сформировавшихся этносов (в тех случаях, когда этногенез еще не завершился, либо при включении в этнос новых этнических компонентов, значительно меняющих его этнические свойства, но не влияющих на его этническое самосознание).

В первой главе «Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии» (автор Ю. Б. Симченко) рассматривается уралоязычное автохтонное население высоких широт, приводятся материалы, позволяющие видеть в нем этнический субстрат, который вошел в состав саамов и самодийцев. В главе очерчивается территориальное распространение древних уральцев. Большое внимание уделено анализу гипотез о происхождении культур древнего населения Европейского Севера и Западной Сибири: автор присоединяется к концепции В. Н. Чернецова о формировании древней финно-угро-самодийской общности и расселении ее в Зауралье и Западной Сибири. В главе приводятся некоторые данные о реконструируемой Ю. Б. Симченко древней культуре охотников на дикого оленя. Однако эти материалы очень общи. Остается неясным, была ли это одна или ряд культур. Не освещена роль рыболовства и других подсобных отраслей в хозяйстве тундровых охотников.

Вторая глава «Этногенез саамов», написанная Т. В. Лукьянченко, посвящена ранним этапам этнического формирования этого народа — проблеме, много лет дискутируемой археологами, лингвистами и этнографами. На основе анализа имеющихся материалов автор приходит к выводу об участии двух основных компонентов в этногенезе саамов (древних уральцев и европеоидных финноязычных волго-окских переселенцев). Сложение единого этнического массива предков саамов в данной главе отнесено к началу I тыс. до н. э. Территория их формирования включала север Норвегии и Финляндии, часть Кольского полуострова и Карелию. В главе справедливо отмечается, что общие черты больше выявляются в культуре у саамов и их европейских соседей и гораздо меньше между саамами и народами Сибири. Это объясняется местоположением саамов. Тем не менее приводимые автором примеры сходных особенностей культуры у саамов и сибирских народов настолько разительны, что можно говорить не только об историко-культурных, но и об этногенетических связях между их предками.

В третьей главе «Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны)», написанной В. И. Васильевым, в концентрированном виде излагаются основные положения его монографии «Проблемы формирования северо-самодийских народностей» (М., 1979)¹, и вводят в оборот некоторые новые материалы. В целом концепция автора о времени и путях заселения самодийцами Севера и о формировании там новых народностей, на наш взгляд, убедительна. Все же некоторые построения вызывают возражения. Следует заметить, что навряд ли чаты могли быть звеном в распространении этнонима кара через этногенетическую цепь еуштинцы — чаты — барабинские кагалы (с. 45), поскольку, во-первых, этот этноним у них не зафиксирован, а, во-вторых, сами они появились в Барабе и Приобье, видимо, гораздо позже, чем карагалы и еуштинцы.

В четвертой главе «Происхождение саянских оленеводов» (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) (автор С. И. Вайнштейн) рассматриваются сложные этногенетические процессы в таежных Саянах — продвижение сюда в неолите протосамодийских племен, смешение их с аборигенами (протоэвенками), распространение позднее

¹ См. рец. В. А. Зибарев, Н. А. Томилов, В. И. Васильев. Проблемы формирования северосамодийских народностей. — Сов. этнография, 1980, № 5.

новых этнических волн самодийских, кетоязычных, тюркских и монгольских групп. Несмотря на то что эта глава, посвященная населению южного региона, стоит несколько особняком в данной монографии, она помогает понять начальные этапы формирования многих народов Севера, выявить значение в их этногенезе связей с народами южных регионов.

З. П. Соколова в пятой главе «К проблеме этногенеза обских угров и селькупов» убедительно показала, что ханты, манси и селькупы сложились из разнородных этнических компонентов. Она раскрыла пути формирования этих народностей, выявила особенности их культурной и языковой дифференциации. Выводы автора основаны главным образом на анализе материальной и духовной культуры обских угров. По мнению З. П. Соколовой, самодийскоязычные селькупы, близкие по культуре к хантам, сформировались относительно поздно, испытав сильное влияние обских угров и кетов. Однако этот вопрос, как она говорит, еще нельзя считать до конца решенным, поскольку «в настоящее время мы не можем нарисовать стройную и убедительную картину происхождения селькупов» (с. 116). В заключение автор намечает круг проблем, касающихся этногенеза обских угров и селькупов, требующих дальнейшего этнографического исследования. Однако не со всеми положениями, высказанными в данной главе, можно согласиться. Вызывает возражение утверждение о принадлежности хантов, манси и селькупов к одному хозяйственно-культурному типу (с. 89—90), так как у различных групп этих народов зафиксированы черты разных хозяйственных типов — пеших охотников и рыболовов, рыболовов бассейнов крупных рек, земледельцев и скотоводов, северных оленеводов. Кроме того, следует заметить, что при рассмотрении археологических данных почему-то не получила отражения точка зрения В. И. Матюшенко о ходе этногенетических процессов в Приобье в эпоху неолита и бронзы, изложенная им в многочисленных статьях и четырехтомной монографии.

В главе шестой «Кетская проблема» Е. А. Алексеенко на основании накопленных лингвистических и этнографических материалов высказывает предположение, что в Южной Сибири предки кетов появились в I тыс. до гуннской эпохи (с. 139). Автор убедительно показывает, что история предков кетов в дальнейшем длительное время была связана с тюркоязычным, а затем и самодийским населением, что привело к частичному вхождению их в состав некоторых современных народов Сибири. Е. А. Алексеенко удалось раскрыть сложность и многокомпонентность собственно кетской народности, что отразилось в особенностях ее традиционной культуры, связанных с разными хозяйственными комплексами — горно-таежным охотничьим, рыболовческим, скотоводческим.

Авторы первой главы второго раздела «Этногенез юкагиров» И. С. Гурвич и Ю. Б. Симченко присоединились к гипотезе, согласно которой юкагиры рассматриваются как прямые потомки древних неолитических охотников, вышедших из той же недифференцированной еще языковой среды, что и древние уральцы. Наиболее ценным в данной главе является анализ традиционной культуры юкагиров, позволивший выявить у них элементы, общие с северо-восточными самодийцами. В главе подробно освещаются также контакты юкагиров с северо-восточными палеоазиатами, эвенками и эвенами.

Следует особо отметить во многом новое решение проблемы этногенеза эвенков и эвенов в главе второй этого раздела «Этнические корни тунгусов», написанной В. А. Туголуковым. Период исторического существования собственно тунгусов, по приводимым автором данным, охватывает не более полутора тысяч лет. В начале этого периода тунгусские этнические черты обнаруживаются у обитавших в горно-таежном Забайкалье и Приамурье южных скотоводов увань. Огромная работа проведена В. А. Туголуковым по выявлению в составе тунгусов этнических элементов, связанных с древними местными племенами, с тюркскими и монгольскими группами, по определению области древнего расселения тунгусов. В то же время некоторые положения главы представляются мало убедительными. Таково, по нашему мнению, утверждение, что население Пумпокольской волости в XVII в. составила смешанная тунгусо-селькупская группа (с. 168). Исторические и лингвистические данные (работы Б. О. Долгих, А. П. Дульзона) свидетельствуют скорее в пользу кетоязычной основы населения этой волости.

Тематически с главой о тунгусах связана и следующая за ней глава — «Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина». Автор ее, А. В. Смоляк, по существу присоединяется к гипотезе об очень ранней тунгусизации населения Нижнего Амура, начавшейся с конца неолита — начала раннего железного века. На основе анализа этнографических и лингвистических данных в главе доказываются, что предками современных тунгусских народов Нижнего Амура были аборигены, вошедшие, видимо, также и в состав нивхов. В древней местной культуре автор выявляет северные, западные и южные черты, связанные с проникновением сюда племен разного этнического происхождения. В главе прослеживается также культурное влияние соседних айских и маньчжурских групп.

Третий раздел работы открывается главой, написанной Ч. М. Таксами, — «Проблемы этногенеза нивхов». Антропологические, археологические, языковые данные, приведенные им, показывают, что нивхи, несомненно, были наследниками древней неолитической культуры бассейна Нижнего Амура и Сахалина.

Следующая глава «Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов» посвящена сложным вопросам этногенеза северо-восточных палеоазиатов. Обобщая имеющиеся археологические, лингвистические и этнографические материалы, автор ее И. С. Гурвич, приходит к выводу, что неолитические охотники, заложившие этническую основу палеоазиатских народностей, проникли на Охотское побережье, Камчатку и частично на Чукотку из Якутии, Приамурья и Приморья и смешались здесь с остатками древних мезолитических групп населения.

Специфические черты культуры северо-восточных палеоазиатов начали складываться в период неолита и распространения железных орудий. Переход части охотников этого региона к оленеводству способствовал обособлению северных групп и сложению современного этнического облика чукчей, коряков и ительменов (с. 226). Значительное внимание в указанной главе уделено исследованию древних связей северо-восточных палеоазиатов с соседними азиатскими эскимосами и северо-американскими племенами.

Заключительная глава третьего раздела «Происхождение эскимосов и алеутов» (автор Л. А. Файнберг) показывает глубокую древность истории формирования этих двух народов — этноязыковых общностей, составлявших, видимо, в далеком прошлом единое этническое образование. Разделение протоэскалеутов на протоэскимосов и протоалеутов, согласно данным американской и советской археологической литературы, произошло в Берингии не менее 8—10 тыс. лет назад. Используя имеющиеся материалы, Л. А. Файнберг рассматривает пути миграций эскимосов, эволюцию эскимосских и алеутских археологических культур. В целом глава проясняет сложную историю формирования эскимосского и алеутского этносов.

Таким образом, в книге впервые представлена общая, весьма многогранная картина формирования основных этнолингвистических групп Севера нашей страны. Авторам удалось показать связь этих этнических общностей с аборигенными мезолитическими и неолитическими племенами, с одной стороны, и более поздними переселенцами из южных областей Сибири — с другой. Заслуживает внимания хорошо обоснованное в работе важное теоретическое положение о том, что свой традиционный облик северные народности приобрели в результате не только миграций и взаимодействий разных этнических образований, но и эволюции хозяйства и культуры в условиях Крайнего Севера. Таким образом, перед нами оригинальное исследование, имеющее важное научное значение.

Вместе с тем книга не лишена и некоторых недостатков. В перечне историко-культурных областей Севера, к сожалению, не упомянута Саяно-Алтайская область (с. 5), хотя в работе ей уделено немало внимания.

Авторы иногда используют слишком широкие географические понятия. Например, на с. 243 территорией обитания предков кетов называются горно-таежные области юго-западной Сибири (можно понять и так, что сюда входят и южные районы Зауралья). непонятно, почему на с. 165 при описании природных условий, в частности растительности верхней Зей, приводятся сведения студента-историка, а не специалиста биолога или географа. На с. 21 допущена опечатка — искажена дата — поздний (голоценовый) палеолит Восточной Сибири определен III—V тыс. до н. э. вместо VIII—V тыс. до н. э. На с. 39 о лыжах-подволоках с выгибом и с приподнятой ступательной площадкой сказано, что они не известны ни у одного из сибирских народов, кроме обских угуров. Однако именно в Западной Сибири (в частности, у барабинских татар) бытуют очень близкие по конструкции лыжи. В ссылках на литературу почему-то далеко не всегда проставлены страницы. Но все же надо заметить, что неточностей и опечаток в работе немного.

Отмеченные погрешности не снижают высокой оценки монографии, представляющей интерес для всех исследователей древней истории Крайнего Севера нашей страны.

Выход в свет обобщающей работы, посвященной формированию народов Севера, несомненно будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этногенетических исследований. В связи с этим укажем, что в отдельных главах книги, а также в заключении, написанном И. С. Гурвичем, выделены неясные нерешенные проблемы и намечены задачи дальнейших поисков.

В рассматриваемой монографии широко использованы археологические материалы. Однако желательно дальнейшее сближение методики археологических и этнографических исследований с тем, чтобы преодолеть известный разрыв между этими двумя науками, изучающими культуру в широком понимании этого термина. Необходимо также совершенствование методов синтеза этнографических, археологических, антропологических и лингвистических данных в масштабах отдельных регионов, применительно к определенным историческим периодам.

Новые рубежи, открывающиеся в связи с выходом рецензируемой книги, — свидетельство значимости труда. И хотя это «лишь первый опыт реконструкции общей картины этногенетического развития народов Севера» (с. 248), следует, без сомнения, признать его удачным и перспективным.

Н. А. Томилов